

5. Gostyńska W. Stosunki polsko-radzieckie 1918–1919. Warszawa, 1972.
6. Hovi K. Interessensphären im Baltikum. Finnland im Rahmen der Ostpolitik Polens 1919–1922. Helsinki, 1984.
7. Hovi K. Puolan ja Suomen esimerkkisuhde // Historiallinen Arkisto 81. Helsinki, 1984.
8. Latvijas atbrivošanas kara vēsture. Rīga, 1938.
9. Lewandowki J. Federalizm, Litwa i Białorus w polityce obozu Belwederskiego (listopad 1918 – kwiecień 1920). Warszawa, 1962.
10. Lewandowski J. Estonia. Warszawa, 2001.
11. Łossowski P. Stosunki polsko-litewskie w latach 1918–1919. Warszawa, 1966.
12. Łukomski G. Walka Rzeczy Pospolitej o kresy północno-wschodnie 1918–1920. Warszawa, 1994.
13. Łukomski G., Stolarski R. E. Walka o Wilno. Z dziejów Samoobrony Litwy i Białorusi 1918–1919. Warszawa, 1994.
14. Skrzypek A. Związek Bałtycki. Litwa, Łotwa, Estonia i Finlandia w polityce Polski i ZSRR w latach 1918–1925. Warszawa, 1972.
15. Wraszak M. Wojsko Polskie i operacje wojenne lat 1918–1921. Białystok, 1988.

V. I. Musaev

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Science
**The Baltic Region in the Sphere of the Polish Foreign Policy Interests
 at the Turn of 1910s and 1920s.**

Key words: *Polish foreign policy; J. Piłsudski; Federation project; the issue of Vilnius; Polish-Baltic relations; the Baltic union.*

The article deals with the policies of Poland, which had restored its statehood after the end of the World War one, towards the Baltic countries. Among the latter Lithuania was of the first-hand importance for the Polish leadership. Poland claimed a part of the Lithuanian territory, including the city of Vilnius (Wilno), with a large share of the ethnic Polish population. The Polish leader Józef Piłsudski and his supporters cherished plans of a federation which would unite Poland, Lithuania, White Russia and Ukraine. These plans were not implemented, but the Poles managed to seize Vilnius. In summer 1920 the Red forces took the city and passed it over to the Lithuanians. Finally, the district of Vilnius was occupied by the Poles in October 1920 and then in January 1922 annexed by Poland. As for Latvia and Estonia, as well as Finland, they interested the Polish government as political partners and potential allies within the Baltic union. Negotiations on the Baltic union, with participation of the representatives of five countries, were held in Helsinki in January 1920, but to no avail. Special interest was shown by the Poles for Latvia, with its Polish-speaking minority and with a substantial share of the Roman Catholics. In January 1920 Poland rendered direct assistance to Latvia in fighting the Red Army units in Eastern Latvia (Latgale). But subsequently Polish-Latvian relations changed for the worse, due to Polish claims after compensation for military assistance.

Московский мирный договор 1920 года: причины и последствия

Ключевые слова: *Московский мирный договор; Советская Россия; Литва; Польша; польско-советская война; Франция; вильнюсский вопрос; международные отношения.*

На основе опубликованных и неопубликованных архивных источников рассматривается советско-литовский договор 1920 г., сыгравший важную роль для дальнейшего укрепления позиций Советской России в Балтийском регионе. Проанализированы причины подписания Московского мирного договора 1920 г., которые были обусловлены положением двух государств в новой системе региональных отношений. Раскрыта роль Московского мирного договора 1920 г. в контексте советско-польской войны. Особое внимание уделено позиции главного союзника Польши – Франции, которая косвенно повлияла на принятие Литвой решения относительно заключения мирного договора с Советской Россией и поведение в советско-польском конфликте. Показаны обеспокоенность и стремление Парижа предотвратить вступление Литвы в войну с Польшей во время подготовки и подписания советско-литовского мирного договора. Подчеркнуто сложное международное положение обеих стран. Определено значение подписания Московского мирного договора 1920 г. для обеих сторон. Советская Россия признала независимость Литвы, получила гарантии нейтралитета со стороны Литвы в советско-польском конфликте, а войска Красной армии могли беспрепятственно передвигаться по литовской территории. Мирным договором была определена российско-литовская граница, в результате Вильнюсский край и Вильнюс отошли Литве.

После революции 1917 г. события в разных регионах Российской империи развивались стремительно, вовлекая в эти процессы представителей разных политических взглядов, социальных слоев, вероисповеданий, национальностей. После распада Российской империи и прихода к власти большевиков страну охватила Гражданская война, сопряженная с иностранной интервенцией и конфликтами на национальных окраинах. Одним из сложных и кровопролитных конфликтов была польско-советская война, разгоревшаяся на западных рубежах. Регион, еще недавно бывший сферой влияния России, стал сферой ожесточенного противоборства разных государств.

Несмотря на то, что проблематика польско-советской войны достаточно хорошо изучена, она сохраняет свою актуальность до сих пор, а последствия тех событий и сегодня влияют на напряженность в

российско-польских отношениях. Появление новых публикаций, архивные документы, ставшие доступными, позволяют более полно и точно оценить различные аспекты того периода. Одним из таких аспектов является мирный договор между Советской Россией и Литвой 1920 г., заключенный на фоне польско-советской войны и имевший важное геополитическое значение для Балтийского региона. Несмотря на значимость первых советско-литовских контактов, мирному договору с Литвой 1920 г. как в русскоязычной, так и в литовской историографии уделяется гораздо меньше внимания по сравнению с последующим советско-литовским взаимодействием.

В большинстве российских и белорусских исследований Московский мирный договор рассматривается в контексте либо польско-литовского конфликта [10; 11], либо в контексте анализа истории Литвы [1; 4], либо при анализе внешнеполитических аспектов межвоенного периода Советской России, Литвы и Польши [2; 8; 12; 17]. Особое внимание советско-литовскому взаимодействию в 1920 г. уделила российский историк М.А. Манкевич [9]. Роль литовского вопроса и проблема государственной принадлежности Виленского края в период польско-советской войны рассматривается в работе М.С. Павловой «Литва в политике Варшавы и Москвы» [15].

Литовские исследователи останавливаются на проблеме более детально. Так, в работе Ч. Лауринавичюса подробно рассматриваются литовско-советские контакты и политика литовского правительства в 1920 г. Литовский профессор исследует последствия подписания Московского мирного договора как противоречивые [28]. Отдельное внимание советско-литовским контактам 1920-х гг. и, в частности, лидеру литовской делегации С. Розенбаумасу уделяет в своих работах известный литовский историк А. Каспарявичюса [25; 26; 27]. Тем не менее, несмотря на существенное количество исследований, посвященных взаимодействию Советской России и Литвы в межвоенный период, не все аспекты советско-литовского сотрудничества в 1920 г. получили должное освещение. Следует отметить и тот факт, что большинство работ литовских исследователей опубликованы на литовском языке и в силу этого недоступны русскоязычному читателю.

В представленной статье на основе архивных документов и опубликованных исследований предпринята попытка дополнить материалы по Московскому мирному договору 1920 г. и более полно раскрыть позиции Польши и ее союзницы – Франции, которая, преследуя свои интересы в Балтийском регионе, пыталась оказывать давление как на Польшу, так и на Литву.

1919 г. был довольно сложным и для Советской России, и для Литвы. В условиях отсутствия собственной полноценной армии и конфликта с Польшей Литва оказалась, с одной стороны, перед угрозой польской оккупации, с другой – большевистской. По верному замечанию литовского государственного деятеля А. Вольдемараса, какой бы выбор ни сделала Литва в тот момент, она оказывалась между Сциллой и Харибдой [35, р. 9]. Несмотря на провозглашение независимости 16 февраля 1918 г., к 1920 г. Литва так и не была признана мировым сообществом. Более того, ее притязания на собственные территории, включая Вильнюс, были проигнорированы на Версальской конференции. Непрочное международное положение дополняла тяжелая экономическая и социальная ситуация внутри страны.

В не менее сложных условиях была и Советская Россия. Гражданская война и иностранная интервенция, курс на мировую революцию подорвали и без того слабую экономику страны. Чтобы стабилизировать ситуацию на западных рубежах, России необходимо было заключить соглашения с балтийскими республиками.

Стремление советской стороны к взаимодействию с Литвой было продиктовано рядом причин. Во-первых, для России Литва являлась важным геополитическим плацдармом и своеобразным мостом, «воротами» в Европу [34, р. 8]; во-вторых, соглашение с Литвой позволяло разорвать «санитарный кордон» и решало проблему международной изоляции Советской России; в-третьих, Литва могла бы если не стать для РСФСР союзником против Польши, то хотя бы формально сохранять нейтралитет в советско-польском конфликте; кроме того, территория литовского государства являлась удобным плацдармом для пропаганды идеи «мировой революции» на Западе.

У Литвы также были причины сотрудничать с Москвой: она нуждалась в юридических гарантиях признания независимости, в первую очередь со стороны соседних государств – Польши и Советской России, которые представляли главную опасность для ее суверенитета. Кроме того, ей были необходимы поддержка в споре с Польшей относительно принадлежности Вильнюсского края и урегулирование вооруженного конфликта с большевиками.

Еще в 1919 г. Москва предложила Литве начать мирные переговоры, однако литовское правительство выразило свое согласие лишь в конце марта 1920 г. Такое промедление было связано с желанием литовской стороны признать ее полную независимость «в этнографических границах, т. е. заключающей в себе в общих чертах Виленскую, Ковенскую, Гродненскую и Сувалкскую губернии со столицей Вильной» [3, с. 450; 6, с. 1] до начала переговорного процесса.

Советская сторона в ноте от 8 апреля 1920 г. отклонила условия, выдвинутые литовским правительством, сославшись на необходимость «юридического выражения» такого «политического акта» [3, с. 450; 5, с. 1]. Нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин заверил литовскую сторону, что после ознакомления с «этнологическими данными, касающимися этого вопроса» советское правительство «без колебаний примет эти заключения», и это может быть сделано только на предстоящей конференции [Там же]. Правительство большевиков небезосновательно опасалось, что после признания независимости Литовской республики отдельным актом она может отказаться от переговоров, добившись своей главной цели.

Подготовка к переговорам заняла больше месяца, продемонстрировав нехватку доверия у обеих сторон. В записке о генезисе и последствиях литовско-русского договора от 28 сентября 1926 г., сохранившейся в архиве французского дипломата и политического деятеля Анатоля де Монзи, с 1924 по 1927 гг. возглавлявшего комиссию по делам России, начало советско-литовских переговоров 1920 г. расценивалось как поспешное решение: «Литва, поглощенная идеей возврата Вильно и всецело занятая достижением этой цели при любых обстоятельствах... поспешила в апреле принять предложения Чичерина, надеясь получить признание территорий, которые она требовала и, кроме того, подтвердить владение Мемелем, который союзники признали за ней» [23, р. 2]¹. Однако нельзя согласиться с тем, что решение было поспешным. Литовское руководство прекрасно осознавало, что Варшава не желает видеть Литву в качестве независимого государства и стремится завладеть Виленским краем. По верному утверждению литовского профессора А. Каспарявичюса, «проблема Вильнюса, возникшая в 1919–1920 гг. в крайне иррациональной форме и в скором времени переросшая в хроническую фазу, да и в целом литовско-польские отношения тоже способствовали пророссийскому геополитическому настрою литовского истеблишмента» [7, с. 262].

Тем временем не только Польша и Советская Россия осознавали выгодное геополитическое положение Литвы и стремились сделать ее сферой своего влияния. Так, страны Антанты рассматривали ее как важную составляющую «водораздела» между Германией и Советской Россией, с помощью которого они надеялись ослабить их внешнеполитическое влияние. Франция побуждала Польшу заключить союз с Литвой, считая его основой для создания Прибалтийского блока против большевистской и немецкой угрозы. Кроме того, Париж был

¹ Выражаю огромную благодарность Светлане Якимович, сотруднику Женевского института международных отношений и развития, за предоставленный документ.

заинтересован в возрождении великой Польши, которая могла бы заменить бывшую союзницу – Российскую империю, и еще на Версальской конференции 1919 г. поддержал польские притязания на литовские территории, включая Вильнюс. Германия продолжала оказывать влияние на экономическую и политическую ситуацию в Литве даже после вывода своих войск с литовской территории, для нее Литва оставалась частью «восточной политики». Новая система региональных отношений делала положение Литвы уязвимым и заставляла ее балансировать между интересами крупных игроков, стремившихся склонить Литву на свою сторону и сделать ее своим сателлитом. На тот момент Москва в глазах литовских руководителей представляла меньшую опасность, нежели Германия или Польша. «Российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX в. ... был доминирующим ... Литовская политическая мысль, страдая недоверием к Польше, искала выход из геополитического тупика: Берлин – Москва – Варшава – и чаще всего находила его в России» [7, с. 273]. Таким образом, несмотря на давление, которое оказывали на Литву более сильные игроки, она приняла волевое решение тактического характера, согласившись на переговоры с Москвой.

В течение последней недели апреля была сформирована литовская делегация. 27 апреля 1920 г. «Известия» опубликовали радиотелеграмму литовского посланника в Риге Д. Заунюса относительно состава делегации, которую возглавил Томас Нарушавичюс. Помимо делегатов, наделенных правом участия в официальных переговорах на уровне делегаций, литовская сторона направила в Москву своих экспертов, работников спецслужб, курьеров и обслуживающий персонал: около 30 человек.

Записи специального корреспондента, сопровождавшего литовскую делегацию в Москву, свидетельствуют об атмосфере, царившей по дороге в советскую столицу. «Настроение у всех хорошее. На станциях в Литве делегацию встречало население и сердечно провожало, желая счастливого пути» [30, л. 60]. Автор записей отмечает, что по прибытии в Ригу утром 2 мая их встретил представитель Литвы Д. Заунюс и персонал посольства. «На станции, пишет корреспондент, было много пассажиров и рижских граждан, все глаза были обращены на литовскую делегацию и поезд “экспресс”. Среди латышей слышались сожаления, что эти вагоны, отобранные у бермонтчиков, достались не им, а литовцам» [30, л. 60].

Литовских делегатов впечатлил прием, оказанный большевиками по прибытии в советскую столицу: «В Москве нам дали отдельный дом из 8 комнат и обставили таким комфортом, какого мы в Ковно не видели.

Все по приличному. Такого обеда, каким нас угостили, мы в Ковно никогда не ели. Все очень вежливо и благорасположено к нашему новому государству» [30, л. 73]. Несомненно, радушный прием и комфортная обстановка должны были сыграть свою роль в формировании благоприятного впечатления о Советской России у литовцев.

Формальное открытие советско-литовских переговоров состоялось 7 мая 1920 г. в Москве. Советскую делегацию возглавлял один из наиболее опытных дипломатов-переговорщиков – Адольф Иоффе. В состав делегации вошли Леонид Оболенский и Юлиан Мархлевский, а также эксперты – представители Генерального штаба: Рыльский, Шемякин и литовец Расикас.

На первом заседании стороны обменялись приветственными речами. В обращении к литовской делегации А. Иоффе подчеркнул факт отсутствия военных действий между Литвой и Советской Россией, позволяющий говорить не столько о мирных переговорах, сколько об «установлении договорных отношений между двумя ... народами» [13, с. 2]. Апеллируя к интересам Литвы, глава советской делегации обратил внимание на ее особую роль в отношениях между Европой и Россией, подчеркнув, что «через Литву должны будут вестись сношения России с Западной Европой, – что находится еще более в интересах Литвы, нежели в интересах России» [30, л. 30].

В ответной речи Т. Нарушавичюс выразил надежду на то, что «Р.С.Ф.С.Р., прежде чем перейти к нашей мирной работе, сочтет своим долгом исправить эту историческую несправедливость, учиненную царским империализмом литовскому народу, формальным отказом от суверенности России над Литвой» [Там же].

В ходе второго заседания, состоявшегося на следующий день, развернулись прения относительно формулировки признания независимости Литовского государства. Советская сторона настаивала на признании суверенитета Литвы на основе принципа свободного самоопределения народов и Декрета о мире в рамках мирного договора, тогда как литовская сторона требовала заключения отдельного акта о признании ее независимости.

Центральным вопросом последующих заседаний стала проблема территориальной принадлежности Гродненской (включая Белосток и Бельск) и Сувалкской губерний. Этот вопрос перевел переговоры в плоскость жарких споров. Обе делегации представили свои позиции относительно принадлежности территорий, ставших пограничными после распада Российской империи.

В результате прений стороны не смогли найти консенсус, и Иоффе выступил с предложением вести переговоры по территориальному

вопросу в особой смешанной комиссии. Решить спорный вопрос предполагалось следующим образом: «вопрос предварительно обсудят специальные комиссии, которые подготовят материал для заседания пленума» [30, л. 30 об.].

Следует отметить, что параллельно с основными переговорами стороны вели секретные относительно совместных военных действий против Польши, на чем настаивала Москва. Четвертое заседание состоялось только 21 мая, продемонстрировав существенное различие во взглядах обеих делегаций. Литовская сторона категорически отказалась проводить совместные военные действия с большевиками, и переговоры зашли в тупик. В результате 25 мая большая часть литовской делегации была отозвана министром иностранных дел А. Вольдемарасом в Каунас для консультаций. Продолжились лишь заседания смешанной комиссии по вопросам о границах.

Советско-литовское взаимодействие вызвало обеспокоенность со стороны главного союзника Польши – Франции. Еще осенью 1919 г. глава французской военной миссии в Ковно полковник Ребуль в своем рапорте об отношениях литовского правительства с большевиками уверенно утверждал: «Есть тенденция к заключению перемирия, но ни в коем случае не мир» [32, р. 329]. В январе 1920 г. Ребуль докладывал военному начальству в Париже: «Безусловно, тайные переговоры с большевиками существуют, но я не могу указать ни цель, ни значимость, так как до сих пор не смог получить точную информацию об их существовании» [33, р. 618]. Весной 1920 г., когда стало понятно, что советско-литовские контакты развиваются, перед французской дипломатией встала новая задача: не допустить военный союз большевиков с литовцами и попытаться заставить Польшу заключить союз с Литвой.

Ребулю настойчиво рекомендовали «призвать правительство Литвы поддерживать свои войска в нынешнем положении и воздерживаться от вмешательства в конфликт против Польши» [18, р. 161–162]. Франция была всерьез обеспокоена, что Литва вступит в войну с Польшей, и старалась предотвратить это любыми способами.

Москва, в свою очередь, опасалась, что затягивание переговоров может привести к польско-литовскому соглашению. Эти опасения были не напрасными. Так, глава французской военной миссии в Каунасе полковник Ребуль писал военному министру Франции: «Литовцы будут сотрудничать с поляками, если те признают независимость Литвы в ее этнографических границах и выведут свои войска из литовских регионов, как только военные потребности позволят. Если польское правительство захочет немедленно пойти на уступки, можно будет быстро достичь

военного соглашения...» [21, р. 173]. Ему вторил маршал Петен: «Польско-литовская проблема должна быть решена немедленно. Польша должна понимать, что ее процветание ... зависит от союза с Литвой» [22, р. 84]. В такой ситуации советским руководителям нужно было принять верное решение и перехватить союзника, а значит – пойти на уступки литовской стороне.

Полковник Ребуль телеграфировал военному министру Франции, что «25 мая литовцы прервали переговоры с Москвой, чтобы не нападать на поляков с большевиками» [23, р. 65]. Он также предупреждал, что Германия, которой литовско-польское противостояние было выгодно, «наверняка приложит усилия, чтобы подтолкнуть литовцев к нападению» [Там же].

После отъезда литовских представителей мнения большевистских руководителей по поводу продолжения переговоров разошлись. Иоффе предлагал полностью разорвать отношения с литовской стороной, если «литовцы обнаружат непомерные финансовые аппетиты» [16, л. 182], в то время как Г.В. Чичерин в секретной записке В.И. Ленину от 22 мая 1920 г. указал на необходимость продолжения переговоров и призвал «тянуть с ними (литовцами. – Л.С.) как можно дольше», поскольку «политический эффект кажущегося сближения их с нами» важнее, чем «эвентуальная их военная помощь» [Там же]. Советская дипломатия стремилась максимально использовать переговоры с Литвой для решения собственных политических задач: «Этим рвется цепь окраинного кордона, – писал Чичерин, – часть окраинных государств становятся в позитуру наших друзей, уничтожается противоположение нам всех окраинных государств. Эта видимость литовской дружбы имеет для нас настолько крупное значение, что вполне стоит потратить немножко более дипломатических маневров товарища Иоффе, чтобы этого достигнуть. Поэтому мы решительно против скорого разрыва с Литвой и за то, чтобы насколько возможно будет, подольше продолжать переговоры» [Там же].

В середине мая 1920 г. во Францию по дипломатическим каналам стали поступать сведения о «скором заключении мира между Советской Россией и Литвой» [19, р. 141]. «Большевики готовы пойти на значительные уступки, которые консервативные газеты (литовские. – Л.С.) связывают с желанием как можно быстрее учредить в Ковно посольство, которое станет пропагандистским агентством для стран Центральной Европы», – телеграфировали французские дипломаты [Там же].

22 июня переговоры возобновились и проходили уже в новых условиях. Красная армия перешла в наступление, и Москве необходимо было укрепить свои позиции в Литве. Большевики готовы были пойти на

большие уступки, в первую очередь финансового характера. В Каунасе, после выборов в Учредительный сейм, сменилось правительство, что вызвало крайнюю озабоченность французов. Новый министр иностранных дел Ю. Пурицкис бы настроен достаточно лояльно по отношению к главному врагу Франции – Германии. Маршал Петен предупреждал французское правительство: «...завтра советские войска получают преимущество над поляками, никто не помешает литовцам, подкупленным немецким золотом, взяться за оружие с криками “на Вильно”...» [22, р. 85]. Французский маршал настаивал на том, что необходимо «поставить прочный эффективный барьер между Россией и Германией, иначе будущая ситуация будет более, чем серьезной. ...Грубая ошибка – позволить уступить Литву Германии» [Там же], – заключал он.

12 июля 1920 г. был подписан Московский мирный договор между Советской Россией и Литвой. В 1930 г. Ладас Наткевичюс, доктор права Парижского университета, подчеркивал, что этим договором «был частично закреплён правовой и территориальный статус» Литвы. Однако некоторые авторы, отмечал он, «хотя и не оспаривают законность Московского договора, признают его только гипотетически на том основании, что советское правительство в то время не было признано де-юре какой-либо великой державой» [31, р. 42]. Л. Наткевичюс делал вывод, что «Московский договор между Россией и Литвой, по отношению к союзникам, является делом между двумя сторонами; между ними он представляет собой акт, юридическая сила которого бесспорна – и не только гипотетически – но и в отношении передачи территории» [Там же].

Московский мирный договор 1920 г. стал первым соглашением между двумя государствами после распада Российской империи. Он включал в себя 19 статей. Первая статья договора признавала суверенитет и независимость Литовского государства. Во второй статье была подробно прописана российско-литовская граница, а также оговорены условия формирования польско-литовской и литовско-латвийской границ. Однако особое значение имело дополнение к этой статье, которое предоставляло Красной армии право свободного прохода через литовские территории: «Принимая во внимание факт войны между Россией и Польшей и оккупацию последнею части территории, согласно настоящего мирного договора являющейся территорией Литвы, и ввиду невозможности для Российских армий приостанавливать военные действия против Польши на Литовской границе, нижеподписавшиеся от имени Правительства Литовской Демократической Республики заявляют, что оно ни в коем случае не сочтет за нарушение настоящего

договора и недружелюбный в отношении Литвы акт – факт перехода Российскими войсками литовской границы и занятие ими части территорий, по настоящему договору составляющих территорию Литовского Государства, с тем, однако, условием, чтобы по миновании военно-стратегической надобности Российские войска были выведены из означенных территорий» [29, с. 103; 3, с. 41].

Договор определял вопросы гражданства и беженцев, содержал статьи о возврате Россией архивов, библиотек, судебных и правительственных дел и архивов, имущественных документов, эвакуированного имущества и пр. Кроме того, 12 статья договора освобождала Литву от ответственности «по долговым и всякого рода иным обязательствам», предоставляла «право рубки леса на площади сто тысяч десятин» и предполагала выплату литовскому правительству «трех миллионов рублей золотом в полуторамесячный срок» со дня ратификации договора [14]. Эта статья вызвала недовольство правительства А. Мильерана: «необходимо протестовать против упомянутого выше пункта. Литовское государство, образованное из части территорий бывшей империи, не имеет права отказываться от части задолженности России, которая обычно возлагается на нее пропорционально ее способностям и которая, в конечном итоге, будет определяться международным соглашением. Я не сомневаюсь в том, что литовское правительство даст вам удовлетворительные объяснения по этому вопросу...» [20, р. 255], – указывал А. Мильеран в секретной телеграмме.

В соответствии с международными нормами мирный договор подлежал ратификации со стороны представительных органов власти РСФСР и Литовской республики. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Москве 14 октября 1920 г., практически спустя два дня после подписания перемирия с Польшей. Несмотря на оккупацию Польшей литовских территорий, признанных Москвой по договору 1920 г., советско-литовское соглашение имело далеко идущие последствия.

Таким образом, подписание Московского мирного договора 1920 г. имело важное значение для геополитической ситуации в Балтийском регионе. Во-первых, мирный договор с Литвой позволял Москве укрепить свои позиции в регионе, Литва снова оказалась в сфере российского влияния. Во-вторых, большевики получили гарантии от правительства Каунаса сохранять нейтралитет в советско-польском конфликте. По мирному договору Москва признала независимость Литовского государства, была определена российско-литовская граница, в результате Вильнюс и прилегающие к нему территории отходили Литве. Московский договор подорвал планы стран Антанты по

формированию «барьера» между Советской Россией и Германией. Варшава, отказавшись передать Вильнюсский край Литве, совершила стратегическую ошибку, которая привела к долгосрочному польско-литовскому конфликту.

Литература

1. Баторшина И.А., Манкевич М.А. Сравнительный анализ переходных процессов в Литовской республике в 1917–1922 и 1989–1991 // «Вестник МГОУ»: электронный журнал. 2013. № 4. С. 1–22.
2. Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР (1918–1920). Минск: Харвест. 2010. 494 с.
3. Документы внешней политики СССР. Т. III. М.: Госполитиздат, 1959. 701 с.
4. Дьякова Н. Литва между Россией и Западом – исторический контекст // Россия и новые государства Евразии. 2010. № 2. С. 57–72.
5. К мирным переговорам с Литвой. Перевод от 8-го апреля литовскому министру иностранных дел профессору Вольдемарасу // Известия. 1920. № 78. 14 апр. С. 1.
6. К мирным переговорам. Перевод радиотелеграммы литовского министра иностранных дел // Известия. 1920. № 73. 3 апр. С. 1.
7. Каспарявичюс А. Российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX века // Россия и Балтия. Памятные даты и историческая память. М.: ИВИ РАН, 2000. Вып. 7. С. 253–274.
8. Короткова Д.А. Белорусский аспект деятельности в советской дипломатии в 1920 г. // Славяноведение. 2012. № 3. С. 51–64.
9. Манкевич М.А. Взаимодействие Литвы и СССР в 1920 году: дискуссионные вопросы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 12. С. 39–46.
10. Манкевич М.А. Вильнюсский вопрос в международных отношениях // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 19–31.
11. Манкевич М.А. Лига Наций и проект плебисцита в Вильнюсском крае (1920–1921 годы) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 12. С. 59–63.
12. Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы 1918–1939 гг. М.: Алгоритм, 2015. 608 с.
13. Мирные переговоры между Россией и Литвой. Заседание 1-е от 7 мая 1920 г. // Известия. 1920. № 99. 9 мая. С. 2.
14. Мирный договор между Россией и Литвой // Собрание Указаний и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. URL: <http://istmat.info/node/42839> (дата обращения: 17.08.2019).
15. Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М.: Аспект Пресс, 2016. 176 с.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 159 (Г.В. Чичерин). Оп. 2. Д. 9. Взаимоотношения с Литвой и Латвией. Записки и телеграммы (1918–1925).

17. Ціхаміраў А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск: Экапер-спектыва, 2003. 400 с.
18. Archives du Ministère français des Affaires étrangères (АМАЕ). Lituanie. Vol. 5. Télégramme. Attitude de la Lituanie à l'égard de la Pologne et de la Russie.
19. АМАЕ. Lituanie. Vol. 5. Télégramme.
20. АМАЕ. Lituanie. Vol. 5. Télégramme de Millerand. D'une stipulation du traité de paix entre la Lituanie et les Soviets. 23.07.1920.
21. АМАЕ. Lituanie. Vol. 5. Télégramme. Lithuaniens et bolcheviks.
22. АМАЕ. Lituanie. Vol. 58. Politique lituanienne. 20.06.1920.
23. АМАЕ. Lituanie. Vol. 58. Télégramme chiffrée.
24. Boris Souvarine Collection, IHEID, 4.1.2.BS 18/2. Note sur la genèse et les conséquences du traité lituano-russe du 28 septembre 1926.
25. Kasparavičius A. Kauno ir Maskvos «džentelmeniškias polonezas» Varšuvai (1926–1936) // Lietuvos diplomatija XX amžiuje (Tarptautinės mokslinės konferencijos pranešimai. LR URM, LII, VU TSPMI leidinys). Vilnius: Vaga, 1999. L. 92–118.
26. Kasparavičius A. Lietuvos kariuomenė Maskvos politinėse ir diplomatinėse spekuliacijose (1920–1936) // Lietuvos nepriklausomybei – 80 (Mokslinės konferencijos medžiaga. Teminis straipsnių rinkinys), Vilnius: Gen. J. Žemaičio LKA leidykla, 1999. L. 4–57.
27. Kasparavičius A. Šimšonas Rozenbaumas: vieno žydų patrioto diplomatinis eskizas // Iš Lietuvos diplomatijos istorijos (III). Kaunas: VDKM leidykla, 2000. L. 35–50.
28. Laurinavičius Č. Lietuvos – Sovietų Rusijos Taikos sutartis 1920 m. liepos 12 d. Vilnius: Valstybinis leidybos centras, 1992. L. 171–190.
29. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). Ф. 383. Оп. 7. Д. 77.
30. LCVA. Ф. 395. Министерство белорусских дел в Литве. Оп. 1. Д. 18.
31. Natkevičius L. Aspect politique et juridique du différend Polono-Lithuanien. Paris: Librairie de jurisprudence ancienne et moderne, 1930. 355 p.
32. Service historique de la Défense / Département de l'Armée de Terre (SHD/DAT). Fonds 17. Mission militaire française dans les pays baltes. Dossier 578. Correspondence avec Lituanie et la Finlandie. 32-ème rapport hebdomadaire. 29.10.1919.
33. SHD/DAT Fonds 17. Dos. 578. 45-ème rapport hebdomadaire. 21.01.1920.
34. Slutskaya L. Franco–Lithuanian Relations in the Context of Geopolitical Confrontation, 1918–1923 // History. 2017. T. 107, № 3.
35. Voldemar A. Les relations Russe–Polono–Lithuaniennes. Paris: Desmoineaux, 1920. 32 p.

L.V. Slutskaya

Belarusian State University

Moscow Peace Treaty 1920: reasons and meaning

Key words: Soviet Russia; Lithuania; Moscow Peace Treaty; Poland; Vilnius issue; Polish-Soviet War; France; International Relation.

Based on published and unpublished archival sources, the Soviet-Lithuanian Treaty of 1920 is considered, which played an important role in further strengthening the position of Soviet Russia in the Baltic region. The reasons for the signing of the Moscow Peace

Treaty of 1920, determined by the position of the two states in the new system of regional relations, are analyzed. The role of the Moscow Peace Treaty of 1920 is revealed in the context of the Soviet-Polish war. Particular attention is paid to the position of Poland's main ally, France, which indirectly influenced Lithuania's decision to conclude a peace treaty with Soviet Russia and behavior in the Soviet-Polish conflict. The concern and aspiration of Paris to prevent Lithuania from entering the war with Poland during the preparation and signing of the Soviet-Lithuanian peace treaty are shown. The difficult international situation of both countries was emphasized. The significance of the Moscow Peace Treaty of 1920 for both parties is defined. Soviet Russia strengthened its position in the Baltic region, received guarantees of neutrality from Lithuania in the Soviet-Polish conflict, and the Red Army could freely move around Lithuanian territory during the Soviet-Polish conflict. The peace treaty determined the Russian-Lithuanian border, as a result, Vilnius region and Vilnius departed to Lithuania.